

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В публикации освещается возможность такого этапа в динамике обязательственного отношения, как восстановление после прекращения, рассматриваются случаи восстановления обязательств, указанные в законодательстве и судебной практике, а также предлагаются выводы в отношении допустимости восстановления обязательств по соглашению сторон и эффекта такого соглашения.

Данная публикация посвящена такому аспекту свободы договора, как вопрос о допустимости восстановления по соглашению сторон ранее прекращенных обязательств.

Побудительным мотивом к написанию данной статьи стала практическая задача, для которой долгое время не удается найти убедительное решение. Проблема заключается в следующем. В ходе осуществления лизинговой операции лизингополучатель допускает существенное нарушение обязательств по внесению лизинговых платежей. Увещевания эффекта не дают. Ввиду длительной просрочки лизинговая компания использует предусмотренное соглашением право на односторонний отказ от договора. Уведомление об отказе от договора доставляется лизингополучателю. Договор расторгнут. Права и обязанности прекращаются. По получении такого уведомления лизингополучатель спохватывается, погашает просроченную задолженность в расчете на сохранение отношений, клянется всем святым, что дальше будет платить день в день. Очень велико обоюдное желание восстановить прекращенные правоотношения или признать их сохранившимися. Лизинговая компания готова пойти клиенту навстречу, но... Как всегда, «пришли юристы и все испортили». Имел место правопрекращающий юридический факт – расторжение договора. На будущее обязательства прекратились.

Данный сюжет по меньшей мере дважды рассматривался высшими судебными инстанциями.

В определении от 19 мая 2011 г. № ВАС-3318/11 о передаче дела в Президиум ВАС РФ содержалось интересное суждение: согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Исходя из приведенной нормы права стороны договора финансовой аренды по обоюдному согласию, поскольку это не противоречит законодательству, вправе отменить действие уведомления об отказе от исполнения сделки, если это удовлетворяет как интересам лизингодателя, так и интересам лизингополучателя. В частности, при наличии оснований для отказа лизингодателя от исполнения договора он как сторона, имеющая право на такой отказ и заявившая его, вправе впоследствии подтвердить сохранение договорных отношений, в том числе путем принятия от лизингополучателя предложенного последним исполнения. В постановление Президиума ВАС РФ от 25 июля 2011 г. № 3318/11 по данному делу приведенный тезис не включен.

Спустя четыре года в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 2 июля 2015 г. № 305-ЭС15-2415 установлена возможность нивелирования участниками правоотношения эффекта такого прекращающего юридического факта, как односторонний отказ от договора.

В документе признается, что требование о возврате арендованного имущества подлежит удовлетворению в случае доказанности факта прекращения договорных отношений сторон.

Как следует из материалов данного дела, после уведомления об отказе от исполнения договора стороны длительное время находились в прежних правоотношениях без каких-либо претензий со стороны арендодателя по поводу освобождения спорного помещения и заключили дополнительное соглашение к договору аренды, распространив его действие на период, предшествующий дню подписания дополнительного соглашения. В указанном соглашении стороны буквально подтвердили неизменность прочих условий договора аренды.

По мнению коллегии, перечисленные обстоятельства, безусловно, свидетельствуют о том, что прекращение договора аренды не состоялось: волеизъявление арендодателя не было реализовано им самим

по его же воле¹. Арендодатель отказался от своего уведомления о расторжении договора, и стороны по взаимному согласию продолжили регулировать свои отношения условиями договора аренды, что не противоречит гражданскому законодательству.

Иная оценка этих обстоятельств, по мнению высшей судебной инстанции, позволяла бы арендодателю непредсказуемо долго удерживать созданную им ситуацию в состоянии неопределенности для арендатора, что не отвечало бы охраняемым законом принципам равенства участников гражданских правоотношений, стабильности гражданского оборота и определенности правоотношений сторон.

Возникают серьезные сомнения в допустимости сотворения по соглашению частных лиц такого цивилистического чуда, как воскрешение ранее прекратившегося обязательства. Принцип свободы договора и отсутствие в законе явно выраженного запрета на подобное волшебство сами по себе вовсе не означают его возможности. (По соглашению сторон нельзя, например, создать юридическое лицо в организационно-правовой форме, не предусмотренной законом; в силу пусть и небесспорного, но господствующего воззрения нельзя соглашением создать вещное право, не включенное законодателем в *numerus clausus*, и т.д.) Вместе с тем неочевидны и возможные доводы против восстановления обязательства, кроме обыденного соображения, что раз обязательство прекратилось, то уже бесповоротно.

Представляется целесообразным разобраться, может ли существовать объективная (а не надуманная) потребность в восстановлении обязательства, есть ли в законодательстве примеры восстановления правоотношений, как они интерпретируются в судебной практике,

¹ Вывод коллегии, будучи справедливым по существу, с формально-юридической точки зрения не вполне корректен: по смыслу норм, регулирующих порядок расторжения договора (ст. 310, 450 прежней редакции ГК РФ, п. 2 ст. 310, п. 1–2 ст. 450¹ новой редакции ГК РФ), договор прекратился исключительно в силу факта уведомления арендодателем арендатора об отказе от (исполнения) договора. Последующие действия или бездействие сторон сами по себе не могут свидетельствовать ни об отсутствии правопрекращающего юридического факта (отказа от договора, доведенного до сведения другой стороны), ни о том, что он не повлек того юридического последствия, на которое он был направлен (расторжение договора и прекращение возникших из него отношений). Более корректными представляются изложенные далее выводы коллегии о том, что последствия расторжения не были реализованы по взаимному согласию сторон и что уклонение сторон от реализации последствий расторжения свидетельствует о продолжении регулирования отношений условиями договора.

каков порядок такого восстановления отношений и, наконец, можно ли на имеющемся позитивно-правовом материале основать институт восстановления отношений по соглашению сторон.

При поверхностном рассмотрении ситуации может показаться, что интерес сторон, желающих продолжить опрометчиво прекращенные отношения, вполне может быть удовлетворен путем заключения нового договора на условиях, аналогичных условиям предыдущего договора. Примером такого варианта динамики обязательств может служить *возобновление* (т.е. заключение нового) договора аренды после истечения срока (п. 2 ст. 621 ГК РФ). Более того, экспертный опрос показал, что соглашение о восстановлении договорных отношений следовало бы квалифицировать именно как новый договор на условиях, тождественных ранее расторгнутому. На первый взгляд эта точка зрения представляется логичной.

Данная дилемма в определении судьбы обязательства была предметом рассуждений еще у римских юристов. Так, Павел рассуждал: «Если под воздействием страха я вынужден отказаться от покупки (или) аренды, то следует выяснить, считается ли это действие несовершеннолетним и сохраняет силу старое обязательство, или же это (действие) подобно формальному погашению (обязательства), потому что мы не можем ни на чем основываться в обязательстве, (заключенном) на основании доброго доверия, так как оно завершается тогда, когда оставляется (сторонами), и, скорее всего, оно подобно разновидности акцептиляции, в отношении чего возбуждается преторский иск» (D. 4. 2. 21. 4).

Между тем при прекращении обязательств в силу наступления отменительного (резолютивного) условия или расторжения договора утрачивается ряд атрибутов правоотношений, которые не могут быть воспроизведены в неизменном виде при заключении нового договора, пусть и на тех же условиях. К числу таких атрибутов можно отнести:

1) момент возникновения обязательства. Закон приурочивает к моменту возникновения обязательства ряд правил. Большинство из них являются диспозитивными. Поэтому стороны и в новом соглашении, порождающем новое обязательство, могут в большинстве случаев согласовать устраивающие их условия, даже если диспозитивная норма, ориентирующаяся на новый (более поздний) момент возникновения обязательства, предлагает иное регулирование.

Между тем есть ситуации, когда с моментом возникновения обязательства связан приоритет того или иного участника оборота при множестве притязаний на один объект. Наиболее характерный пример – преимущество того из кредиторов в обязательстве по передаче индивидуально-определенной вещи, в пользу которого обязательство возникло раньше (ч. 1 ст. 398 ГК РФ). При прекращении обязательства и последующем заключении его сторонами нового соглашения на условиях, тождественных прекращенному договору, кредитор утрачивает свой приоритет. Если бы обязательство не создавалось вновь, а восстанавливалось (признавалось сохранившимся), сохранялось бы и место кредитора «в очереди» претендентов на вещь.

Другой круг ситуаций, в которых имеет значение момент возникновения обязательства, обусловлен нормами корпоративного права. Речь идет об одобрении сделок (в первую очередь в качестве крупных или таких, в совершении которых имеется заинтересованность лиц, указанных в соответствующих законах¹). Необходимость одобрения определяется на момент совершения сделки, порождающей новое для корпорации обязательство. Если первоначальное обязательство признается прекращенным, а соглашением сторон порождается новое обязательство, такое соглашение подлежит оценке на предмет необходимости одобрения на день его заключения. Если соглашение восстанавливает ранее возникшее обязательство, необходимость одобрения должна определяться применительно к условиям первоначального договора на день его заключения.

Еще одна, пока экзотическая для нашего правопорядка, группа ситуаций связана с субординированием исполнения обязательств (ст. 309¹ ГК РФ). Если обязательство, «охваченное» соглашением кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику, считать прекращенным, в отношении нового обязательства такое соглашение автоматически действовать не начнет. Если признать допустимым

¹ См.: ст. 38 ФЗ от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»; ст. 78, 81 Закона об АО; п. 13 ст. 9², ст. 27 ФЗ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; ст. 45, 46 Закона об ООО; п. 1–3 ст. 101 ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве); ст. 22, 23 ФЗ от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»; ст. 14, 17 ФЗ от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»; ст. 16 ФЗ от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации».

восстановление первоначального требования, порядок его удовлетворения будет считаться урегулированным указанным соглашением;

2) юридический факт, из которого возникло правоотношение. Очевидно, что новое правоотношение вновь возникает из нового договора. В большинстве случаев это не затрагивает интересы сторон и не препятствует им полностью урегулировать свои отношения на устраивающих всех условиях.

Между тем есть ситуации, когда правовой режим комплекса отношений, возникших из ранее заключенного договора, в силу специфики его конструкции не может быть распространен на комплекс отношений, возникающих из нового договора. В качестве примера можно привести лизинговые операции.

С одной стороны, они подчинены весьма специфическому правовому режиму: к финансовой аренде (особенно в ипостаси «выкупного» лизинга¹) неприменимо большинство правил об обычной аренде, в том числе императивных². При этом к таким операциям применимы исключительные правила, которые не регулируют обычные арендные отношения³.

С другой стороны, отношения, подчиненные данному своеобразному режиму, могут быть порождены только одним юридическим фактом — договором лизинга, и никаким иным. Особенность конструкции договора лизинга заключается в том, что неотъемлемым элементом системы обязательств лизингодателя является приобретение актива (ч. 1 ст. 665 ГК РФ). Без такого элемента договор сложно квалифицировать в качестве договора лизинга. Следовательно, применимость комплекса специальных правил о лизинге к отношениям, порождаемым таким «неполноценным» договором лизинга (т.е. договором, формально не являющимся договором лизинга), с догматической точки зрения может ставиться под сомнение (при несомненной целесообразности применения таких норм с телеологической точки зрения).

По существу, без признания допустимости восстановления обязательств есть риск квалификации соглашения о нем (применительно к лизинговым операциям) в качестве обычного договора аренды на ус-

¹ См. постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

² См. § 1 гл. 34 ГК РФ.

³ См.: § 6 гл. 34 ГК РФ; ФЗ от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)».

ловиях, приближенных к условиям ранее прекращенного договора лизинга, но не тождественных им;

3) обеспечение исполнения обязательств. Если динамика обязательств такова, что первоначальное отношение признается бесповоротно прекращенным, а в силу соглашения сторон возникает новое отношение, то с прекращением первоначального (основного) обязательства прекращаются и все акцессорные обеспечительные права, принадлежавшие кредитору. С возникновением нового основного обязательства акцессорные обеспечительные права без самостоятельных правопорождающих юридических фактов (в первую очередь сделок между кредитором и лицом, предоставляющим обеспечение) не возникнут. Признание допустимым восстановления обязательства позволит считать акцессорные обеспечительные права сохранившимися.

Таким образом, потребность в восстановлении обязательств, а не в их возобновлении, не представляется надуманной. В перечисленных выше случаях у сторон может быть в таком варианте регулирования отношений вполне разумный интерес. Людям, как известно, свойственно ошибаться. Гражданское право вполне может и должно располагать широким набором инструментов, призванных помочь в нивелировании последствий ошибок.

Возможно ли восстановление обязательств? Правильным представляется утвердительный ответ. Правоотношение является не материальным, а идеальным феноменом, продуктом мыслительной деятельности. Если в «мире вещей» восстановление утраченного объекта по меньшей мере затруднительно или даже невозможно, то в «мире идей», напротив, умозраительный объект может возникать, изменяться, прекращать свое «существование» и восстанавливаться после этого в соответствии с намерениями мыслящего субъекта.

Наверное, точнее будет сказать, что за таким «восстановленным» объектом можно признавать абсолютно все свойства ранее «существовавшего», пусть и впоследствии прекратившего свое «существование», равно как можно признавать, что в период между прекращением «существования» и «восстановлением» (далее – промежуточный период) должны были сохраняться все связи данного объекта с другими умозраительными объектами той же природы.

Сам термин «восстановление» является в известной мере неточным и применяется для наглядности. Это проявляется в использовании тер-

мина «восстановление» в таких контекстах, как принцип «обеспечения восстановления нарушенных прав» (п. 1 ст. 1 ГК РФ, ч. 1 ст. 1 ЖК РФ), а также «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» в числе способов защиты прав (абз. 3 ст. 12 ГК РФ, п. 2 ч. 3 ст. 11 ЖК РФ, подп. 4 п. 2 ст. 60 ЗК РФ).

Знаком ли праву институт восстановления правоотношений и других правовых явлений? Да, и таких примеров немало. В подтверждение этого тезиса можно привести наиболее яркие (из сферы частного права):

1) восстановление срока исковой давности (ст. 205 ГК РФ). В качестве результата восстановления срока исковой давности закон указывает сохранение возможности защиты нарушенного права, несмотря на пропуск истцом указанного срока. Иными словами, при восстановлении срока исковой давности правопорядок ведет себя так, как будто данный срок не пропущен;

2) восстановление юридического лица (подп. 1 п. 2 ст. 60² ГК РФ). Данное обстоятельство становится результатом признания несостоявшейся реорганизации юридических лиц. При восстановлении юридического лица восстанавливается его правоспособность, и оно считается действующим¹;

3) восстановление земельного участка в прежних границах (п. 2 ст. 62 ЗК РФ). Земельный участок — это часть земной поверхности, которая имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи (п. 3 ст. 6 ЗК РФ).

Специфическая особенность земельных участков как объектов недвижимости заключается в том, что они являются природными объектами, частью поверхности земли, формирование их границ осуществляется посредством землеустройства. В последующем в отношении таких участков производится кадастровый учет. При образовании новых земельных участков прежний земельный участок как природный объект не исчезает, меняется лишь описание границ. Это обуславливает возможность восстановления земельного участка в прежних границах с присвоением соответствующего кадастрового номера²;

¹ См. постановление Президиума ВАС РФ от 20 октября 2010 г. № 5032/10.

² См. постановления Президиума ВАС РФ от 22 апреля 2008 г. № 16975/07 и от 13 сентября 2011 г. № 3413/11.

4) восстановление в родительских правах (ст. 72 СК РФ)¹. Восстановление в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста 10 лет, возможно только с его согласия. Не допускается восстановление в родительских правах, если ребенок усыновлен и усыновление не отменено.

Данный пример наиболее наглядно демонстрирует, что при рассмотрении категории восстановления правовых явлений речь вполне может идти не о возникновении («первоначальным способом») новых прав, пусть и аналогичных ранее прекращенным, а именно о восстановлении прежде существовавших прав, которых субъекты (в данном случае – родители) ранее были лишены;

5) восстановление брака (ст. 26 СК РФ). Данный акт динамики правоотношения максимально близок к восстановлению обязательств, которому посвящена настоящая публикация. Первоначально заключенный брак прекращается вследствие объявления судом одного из супругов умершим (ст. 45 ГК РФ, п. 1 ст. 16 СК РФ) или путем расторжения, если один из супругов признан судом безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 19 СК РФ). С прекращением брака личные и имущественные права и обязанности (в том числе режим имущества) супругов прекращаются. В случае явки супруга, объявленного умершим или признанного безвестно отсутствующим, отмены соответствующих судебных решений и обращения супругов с совместным заявлением в орган загс брак восстанавливается (п. 1 ст. 26 СК РФ). При этом обращают на себя внимание три характеристики восстановления брака:

во-первых, безусловным препятствием к восстановлению брака является вступление любого из супругов в новый брак;

во-вторых, правоотношение восстанавливается по соглашению сторон;

в-третьих, эффектом восстановления является распространение на предшествующий этому акту период (между прекращением брака и его восстановлением) действия правил, определяющих правовое значение брака;

¹ Как отмечается в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом ВС РФ 20 июля 2011 г., иски о восстановлении в родительских правах поступают в суды редко, и это дает основание сделать вывод о законности и обоснованности судебных решений о лишении родительских прав, а также предположить, что большинство родителей, лишенных родительских прав, к сожалению, на путь исправления не становятся.

б) восстановление на прежней работе незаконно уволенного или переведенного работника (ч. 1 ст. 394 ТК РФ). Результатом восстановления работника на прежней работе становится, если выражаться языком гражданского права, «восстановление положения, существовавшего до нарушения права». Длится трудовое правоотношение, прекращенное незаконным увольнением, «реанимируется». В частности:

– этот способ защиты нарушенного трудового права проводится настолько последовательно, что данное обстоятельство служит основанием капитального ущемления интересов (увольнения) другого работника, принятого в промежуточный период на место незаконно уволенного или переведенного (п. 2 ч. 1 ст. 83 ТК РФ).

Рассматриваемая характеристика восстановления трудового правоотношения особенно интересна в сравнении с аналогичным параметром восстановления в родительских правах и восстановления брака: если абстрагироваться от малозначительных деталей, семейное (в особенности брачное) и трудовое правоотношения представляются структурно весьма схожими (являются длящимися, не исчерпываются однократным исполнением), однако в первом случае возникновение аналогичного правоотношения с новым субъектом (супругом или усыновителем) препятствует восстановлению прежнего правоотношения, а во втором (прием нового работника на место незаконно уволенного или переведенного) – нет;

– работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок (абзац второй ст. 234 ТК РФ). Орган, рассматривающий трудовой спор, принимает решение о выплате работнику среднего заработка за все время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время выполнения нижеоплачиваемой работы (часть вторая ст. 394 ТК РФ);

– время вынужденного прогула при незаконном увольнении и последующем восстановлении на прежней работе включается в стаж работы, дающий право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск (абзац четвертый ст. 121 ТК РФ);

7) собственно восстановление обязательств:

а) восстановление обязательств должника перед кредитором в случае признания недействительными действий должника по исполнению обязательства, а также иной сделки должника, направленной на прекращение обязательства (абз. 1 п. 4 ст. 61⁶ Закона о банкротстве). Справедливости ради следует отметить указание непосредственно

в тексте Закона на то, что «обязательство должника перед соответствующим кредитором *считается возникшим* с момента совершения недействительной сделки. При этом право требования кредитора по этому обязательству к должнику *считается существовавшим* независимо от совершения данной сделки» (курсив мой. — С.Г.). Признание такого обязательства *восстановленным* содержится в руководящих разъяснениях ВАС РФ¹.

Особые случаи восстановления обязательств должника имеют место: — при оспаривании на основании ст. 61³ Закона о банкротстве сделок по удовлетворению требования, обеспеченного залогом имущества должника, — передачи предмета залога в качестве отступного. Последствия признания недействительной сделки по передаче предмета залога в качестве отступного согласно п. 1 ст. 61⁶ Закона о банкротстве заключаются в возложении на залогодержателя обязанности по возврату его в конкурсную массу и восстановлении задолженности перед ним; также восстанавливается право залога по смыслу подп. 1 п. 1 ст. 352 ГК РФ²;

¹ См.: абз. 2 п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»; абз. 2 п. 25 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»; абз. 2 п. 2.2 постановления Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства».

Расхождение в подходе к судьбе обязательства — возникновение (как в тексте Закона о банкротстве) или восстановление (как в тексте разъяснений ВАС РФ) — можно объяснить следующим. ВАС РФ указал, как дело обстоит с точки зрения теории правоотношения: раз правопрекращающий юридический факт признается недействительным, он и не порождает того последствия (прекращение обязательства), на которое был направлен. Следовательно, обязательство как существовало, так и, будучи *восстановленным*, продолжает существовать. Законодатель же стремился ввести фикцию и искусственно приурочить (для специальных целей Закона о банкротстве, в частности для дифференциации реестровых и текущих платежей) момент *возникновения* обязательства не к дате наступления юридического факта, обусловившего первоначально возникновение обязательства, и не к дате вступления в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной, а к установленной Законом дате совершения недействительной сделки.

² См.: абз. 5 п. 29.3 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»; постановление Президиума ВАС РФ от 20 июня 2013 г. № 6572/12.

– при оспаривании в деле о банкротстве кредитной организации такой сделки, как списание кредитной организацией денежных средств со счета клиента в этой кредитной организации в счет погашения задолженности клиента перед кредитной организацией (как на основании распоряжения клиента, так и без него). Признание данной сделки недействительной означает, что не прекратились и восстанавливаются обязательства как клиента перед кредитной организацией, так и кредитной организации перед клиентом (восстанавливаются его денежные средства на счете)¹;

б) восстановление обязательства в случае признания недействительным акта государственного органа, на основании которого обязательство прекратилось (п. 2 ст. 417 ГК РФ). Как это ни удивительно, но за более чем 20 лет действия части первой ГК РФ данная норма не обогатилась ни существенными суждениями в доктрине, ни сколько-нибудь содержательной судебной практикой. Внимание авторов комментариев к Кодексу и учебников по гражданскому праву преимущественно сосредоточено на *условиях* восстановления обязательства (признание недействительным акта государственного органа; соответствие существу обязательства; сохранение интереса кредитора к исполнению; отсутствие иного соглашения сторон²). *Существо* такого феномена, как восстановление обязательства, а равно его *последствия* вниманием доктрины обойдены и обделены.

В справочных правовых системах судебных актов, в которых на основании данной нормы делался бы вывод о восстановлении обязательств, меньше, чем пальцев на руке. Без преувеличения можно сказать, что в случае исключения данной нормы из Кодекса участники оборота этого бы не заметили.

Тем не менее Ф3 от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ в приведенную (хотя и практически бездействовавшую) норму внесены изменения: слова «обязательство восстанавливается» заменены словами «обязательство не считается прекращенным». Использование слов «(не) считается» часто служит индикатором применения законодателем фикции. Таким образом, один и тот же эффект, по существу, описан более корректно – через указание на то, что правопрекращающее действие акта

¹ См. п. 35.2 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63.

² В допустимости исключения соглашением сторон восстановления обязательства при признании недействительным акта государственного органа, на основании которого прекратилось обязательство, заключается еще один аспект свободы договора.

государственного или муниципального органа в случае его признания недействительным или отмены следует игнорировать.

Обязательство может прекратиться в результате издания акта государственного органа, который не только делает исполнение обязательства юридически невозможным (п. 1 ст. 417 ГК РФ), но также собственно направлен на прекращение правоотношения; речь идет о судебном решении о расторжении договора (п. 2 ст. 450, п. 2 ст. 453 ГК РФ). Договор признается расторгнутым, а обязательства — прекращенными при вступлении судебного решения в законную силу. Вместе с тем при последующей отмене такого решения договорные обязательства восстанавливаются.

Пример восстановления обязательств можно также обнаружить в судебной практике. Широкий резонанс в свое время получило дело № А32-29673/2011 по иску администрации Ахтанизовского сельского поселения к индивидуальному предпринимателю М.А. Разиевскому о признании права собственности муниципального образования на ряд объектов недвижимости (включая два футбольных поля) и признании недействительным зарегистрированного права собственности предпринимателя на указанные объекты. Разрешая данное дело, ВАС РФ установил, что иск о признании отсутствующим права собственности ответчика на имущество (в отсутствие требований о прекращении арендных отношений) направлен на *восстановление* тех *обязательственных отношений*, которые существовали между сторонами до государственной регистрации права собственности ответчика на арендованное имущество, т.е. является иском о восстановлении положения, существовавшего до нарушения ответчиком обязательств по договору аренды¹.

Интересно, что еще в римском праве в рамках института реституции признавалась возможность восстановления обязательства. Так, Гай писал: «Если я, принужденный тобой под воздействием страха, совершу для тебя формальное погашение стипуляции, то по решению судьи, у которого на основании этого эдикта возбуждается иск, (сюда) включается не только то, что в отношении твоей личности обязательство восстанавливается, но и то, что ты подбираешь также и фидеюсоров, либо тех же самых, либо других, не менее подходящих, кроме того, (сюда) включается еще и то, что ты восстанавливаешь те залогов, которые давал по тому же делу» (D. 4. 2. 10. 1).

¹ См. постановление Президиума ВАС РФ от 28 мая 2013 г. № 17085/12.

Последние несколько примеров вполне могут служить доказательством возможности такого этапа динамики обязательства, как его восстановление (безотносительно к характеру юридических фактов, лежащих в основе подобного «поворота судьбы» правоотношения).

Рассмотренных выше отраженных в законодательстве и судебной практике примеров восстановления правовых явлений, включая правоотношения (в том числе обязательства), как представляется, достаточно для обобщения таких характеристик феномена восстановления, как условия (предпосылки) его допустимости и порождаемый им эффект.

Предпосылки восстановления отношений можно условно разделить на положительные и отрицательные. В качестве *положительных* условий восстановления правовых явлений в большинстве случаев фигурирует комплекс обстоятельств (фактический состав), как правило, включающий судебный акт.

Обстоятельства, предшествующие судебному акту, в большинстве случаев свидетельствуют о преждевременности, опрометчивости или незаконности прекращения правоотношения и (или) обуславливают допустимость и целесообразность его восстановления.

Сам судебный акт призван в первую очередь подтвердить наступление одного или нескольких из указанных обстоятельств. При этом такой судебный акт может являться замыкающим звеном в цепи юридических фактов, ведущих к восстановлению отношения (например, при восстановлении работника на работе в случае, предусмотренном ст. 394 ТК РФ, или при восстановлении обязательств должника в случаях, предусмотренных п. 4 ст. 61⁶ Закона о банкротстве).

В ряде случаев само судебное решение, напротив, является необходимой предпосылкой возникновения у одной стороны правоотношения (например, у кредитора в случае, предусмотренном п. 2 ст. 417 ГК РФ) или у обеих сторон (например, у супругов в случае, предусмотренном ст. 26 СК РФ) возможности своим волеизъявлением восстановить это отношение.

Без согласия одной или обеих сторон прекращенного правоотношения его восстановление возможно в случаях, когда само прекращение отношения стало фактором нарушения прав или интересов другой стороны (например, незаконно уволенного работника) или третьих лиц (например, конкурсных кредиторов), по требованию которых правопрекращающий юридический факт признается недействительным, а отношение восстанавливается.

В случаях, когда прекращение правоотношения прав и интересов третьих лиц не нарушало, его восстановление требует инициативы и (или) согласия его сторон (родителя и ребенка, достигшего возраста 10 лет, при восстановлении в родительских правах; супругов при восстановлении брака).

В то же время одностороннего волеизъявления бывшего участника ранее прекращенного обязательства для его восстановления недостаточно. Как отмечено в п. 9 Обзора практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований¹, гражданское законодательство не предусматривает возможности восстановления правомерно и обоснованно прекращенных зачетом обязательств при отказе от сделанного стороной заявления о зачете.

Что касается *отрицательных* предпосылок (т.е. обстоятельств, исключающих восстановление отношения), то для формулирования вывода о существовании универсальных препятствий к восстановлению отношений законодательство оснований не дает.

Можно было бы предположить, что к их числу следует отнести обстоятельства, исключающие восстановление правоотношения по мотиву невозможности. Между тем примеры с восстановлением юридических лиц (субъектов), восстановлением земельных участков в прежних границах (объектов) и восстановлением работника на работе (собственно отношений), даже несмотря на прием другого работника, которого потребуется уволить, показывают, что в идеальной сфере правовых явлений нет почти ничего абсолютно невозможного.

По существу, речь идет о соотношении интересов одних лиц с интересами других лиц и о выборе правопорядком тех, чьи интересы следует предпочесть, а чьими допустимо пренебречь.

Эффект восстановления правоотношения заключается в игнорировании правопрекращающего юридического факта (в непризнании юридических последствий, на наступление которых он был направлен, или в фингировании его ненаступления), а также в признании сохранившимся (существовавшим все время с момента его наступления) того отношения, которое он был призван прекратить, во всей полноте его содержания. Акт восстановления обязательства наделяется обратной силой. Фактические обстоятельства, наступавшие в промежуточный

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65.

период, с момента их наступления признаются породившими те правовые последствия, которые обычно в силу соответствующих норм права возникают в условиях существования обязательства. При восстановлении основного обязательства такие же выводы могут быть сделаны применительно к аксессуарным отношениям (в первую очередь к залого, предоставленному как самим должником, так и третьим лицом, и к поручительству).

Если речь идет не об изолированном элементарном обязательстве (в котором одному праву требования корреспондирует одна обязанность), а о комплексе правовых связей, возникших из заключаемого договора, то при аннулировании акта его расторжения следует сделать вывод о восстановлении в указанном выше смысле всех порожденных договором мер дозволенного и должного поведения его сторон, в том числе основных и дополнительных к основным обязательств (включая составляющие их содержание субъективные права требования и корреспондирующие им юридические обязанности), кредиторских обязанностей, секундарных прав и т.д.

С учетом сформулированных выше выводов, для которых есть основания непосредственно в нормах, посвященных восстановлению правоотношений, можно предположить также следующие проявления эффекта восстановления обязательств.

Восстановленное обязательство сохраняет все пороки и дефекты (включая пороки сделки, из которой оно возникло, возражения, которые имелись у должника против требования кредитора), которыми правоотношение было отягощено до прекращения. (Напротив, при совершении новой сделки порождаемое ею новое обязательство было бы свободно от пороков первоначальной сделки.)

Вместе с тем обязательство может считаться исцеленным от ряда пороков сделки в той мере, в какой согласованное волеизъявление сторон, направленное на восстановление правоотношения, может быть расценено как поведение, из которого явствует воля стороны сохранить силу сделки (абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ), поведение, дающее основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ), одобрение сделки (п. 2 ст. 183 ГК РФ) или «иной образ» подтверждения действия договора, несмотря на наличие предпосылок для признания его незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Иными словами, в случае возникновения конфликта между сторонами после восстановления правоотношения, при предъявлении

кредитором должнику требования по обязательству и выставлении должником возражений о незаключенности или недействительности договора кредитор будет иметь возможность противопоставить такому заявлению контрвозражение, основанное на согласованном акте восстановления обязательств.

Если в промежуточный период наступали обстоятельства, в зависимость от которых стороны ставили изменение условий обязательства, последнее должно восстановиться на измененных условиях.

Если в указанный период имели место основания для правопреемства в ранее прекращенном, а впоследствии восстановленном обязательстве, требование или долг должны восстанавливаться у правопреемника.

Сложнее решается вопрос с временным аспектом исполнения обязательств в промежуточный период. Несмотря на общий подход, который должен сводиться к игнорированию правопрекращающего юридического факта, оценивать поведение сторон в этот период в части исполнения (неисполнения) обязательства и определять допустимость применения мер ответственности за неисполнение необходимо с позиции добросовестности.

Если в течение промежуточного периода обе стороны обязательства добросовестно исходят из его прекращения, должнику нельзя вменить просрочку исполнения, а кредитору – просрочку принятия исполнения. Следовательно, определяя срок исполнения по восстановленному обязательству, следует руководствоваться понятием разумного (с учетом существа обязательства и всех обстоятельств, влияющих на длительность подготовки к предоставлению исполнения) срока и исчислять его со дня восстановления обязательства.

В случаях, когда односторонние или обоюдные действия сторон обязательства, направленные на его прекращение, признаются недействительными, что и обуславливает восстановление обязательства, т.е. при недобросовестности должника, срок нужно признать наступившим в промежуточный период, а просрочку и санкции за нее (неустойку, проценты) исчислять со дня наступления срока.

Вместе с тем, если в промежуточный период обязательство «созрело» и не было исполнено в срок, но у должника было право противопоставить требованию по такому обязательству возражение о непредоставлении другой стороной обусловленного (предшествующего) исполнения (п. 2 ст. 328 ГК РФ), логично освободить должника от ответственности

за просрочку встречного исполнения даже в случаях, когда прекращение обязательства стало результатом таких действий должника, которые впоследствии признаны недействительными.

Изложенное выше касается ситуаций, когда возможность или обязательность восстановления правоотношения предусмотрена непосредственно нормами закона или правоположениями, содержащимися в руководящих разъяснениях высших судебных органов.

В каждой из таких ситуаций есть веские политико-правовые доводы в пользу восстановления правоотношений, несмотря на неудобства, которые могут быть причинены таким восстановлением другим участникам оборота.

Можно ли допустить восстановление правоотношения исключительно по соглашению его сторон?

Данная публикация начиналась с принципиального сомнения в наличии такой меры, как восстановление правоотношения, в арсенале гражданско-правового инструментария. Ряд приведенных выше примеров доказывает известную распространенность этого феномена.

Коль скоро такой «поворот судьбы» правоотношения мыслим на основании фактического состава, предусмотренного нормой права, нет существенных противопоказаний для признания допустимым восстановления обязательства по соглашению сторон.

Законом № 42-ФЗ, вступившим в силу с 1 июня 2015 г., существенно изменены правила об одностороннем отказе от исполнения обязательств (ст. 310 ГК РФ) и исполнения договора (п. 3 ст. 450 ГК РФ). Если в силу последней нормы в первоначальной редакции условие о допустимости одностороннего отказа могло быть включено почти в любой договор, то в условиях нового регулирования (абз. 2 п. 2 ст. 310, п. 1–2 ст. 450¹ ГК РФ) в договоре, исполнение обязательств из которого связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности (за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне).

Данное изменение существенно ограничивает возможности предпринимателей в части одностороннего отказа от исполнения договоров, в первую очередь с потребителями. Судебный порядок расторжения

договоров представляется сопряженным с чрезмерными временными издержками. Поэтому можно предположить, что данное изменение побудит предпринимателей к более частому использованию другого инструмента, дающего возможность прекратить отношения без обращения в суд, — к включению в договоры отменительных условий (п. 2 ст. 157 ГК РФ).

Сравнение двух указанных способов прекращения договорных правоотношений — резолютивного условия (п. 2 ст. 157 ГК РФ) и одностороннего отказа (ст. 310, 450¹ ГК РФ) — позволяет сделать вывод о большей гибкости второго ввиду наличия у секундарно-управомоченного на односторонний отказ от договора лица возможности усмотрения и оценки целесообразности использования данного права. Первый способ не так ориентирован на учет особенностей конкретных ситуаций, поскольку влечет наступление правового эффекта (прекращение прав и обязанностей по сделке) непосредственно в силу наступления отменительного условия.

Тем не менее при выборе между такими вариантами механизма прекращения договорных обязательств, как громоздкая длительная судебная процедура в судах общей юрисдикции, с одной стороны, и включение в договоры негибких резолютивных условий, с другой стороны, предприниматели в большом количестве случаев будут выбирать второй вариант.

Это в свою очередь повлечет увеличение количества случаев, когда после прекращения прав и обязанностей по сделкам ввиду наступления отменительных условий у обеих сторон впоследствии будут находиться рассмотренные в первой части данной публикации разумные мотивы к восстановлению правоотношений.

Общим в большинстве ситуаций, в которых могут иметь место подобные мотивы, является то, что восстановление обязательств так или иначе затрагивает сферу интересов третьих лиц. Поэтому необходимо определиться, есть ли резон в конструкции, которая в силу причин своей возможной разработки необходимо предполагает подобное вторжение.

Общее правило таково, что обязательство не создает обязанностей для третьих лиц (абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ). Более того, из этой нормы арбитражная практика, по существу, вывела еще более общий, очевидный принцип относительности действия любых соглашений частных лиц. Суть его заключается в невозможности возложения соглашением

на третьих лиц какого-либо долженствования, бремени, риска и иных стеснений сферы их прав и интересов¹.

Вместе с тем во всех перечисленных в начале публикации примерах сфера прав и интересов третьих лиц до прекращения первоначального обязательства включала те «стесняющие» элементы, которые были связаны с возникновением и существованием этого обязательства. Само его прекращение хотя, возможно, и соответствует интересам третьих лиц, но не может быть предметом их правомерных притязаний. Такое прекращение в большинстве случаев происходит помимо воли и усилий третьих лиц. Обязательство прекращается либо ввиду расторжения договора, из которого оно возникло, либо вследствие наступления резолютивного условия. В силу изложенного распространение правового эффекта восстановления обязательства на третьих лиц, до его прекращения вовлеченных в «поле» его действия, не представляется таким вторжением в сферу их прав и интересов, которое исключается принципом относительности соглашений, выведенным из абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ.

Другой подход должен быть к оценке эффекта восстановления обязательства применительно к третьим лицам, которые вступили в отношения со сторонами прекращенного обязательства после его прекращения и до восстановления. Речь может идти как о сознательном расчете на состоявшееся прекращение обязательства, так и об отсутствии осведомленности о его предшествующем существовании. Сфера прав и интересов таких третьих лиц не должна после восстановления обязательства подвергаться каким-либо стеснениям.

Есть еще одна категория третьих лиц. Они вступают в отношения с теми третьими лицами, которые в период существования обязательства были «вовлечены» в поле его действия.

В качестве примера можно привести такую гипотетическую и намеренно усложненную ситуацию. Допустим, есть обязательство, в котором лицо *D* является должником, а лицо *C* – кредитором. В обеспечение данного обязательства лицо *S* дает поручительство. Затем основное обязательство прекращается, вместе с ним прекращается акцессорное

¹ См., например: абз. 5 п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»; абз. 1 п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»; постановление Президиума ВАС РФ от 8 февраля 2011 г. № 13534/10.

обязательство поручителя. Далее другой кредитор, например банк *B*, предоставляет кредит заемщику *L* под поручительство того же поручителя *S* в расчете на то, что его поручительство перед кредитором *C* прекратилось. С восстановлением первоначального основного обязательства между лицами *C* и *D* и, как следствие, с восстановлением поручительства по нему лица *S* негативное воздействие на сферу своих интересов испытывают два третьих лица, прежде никак не связанных с первоначальным обязательством между лицами *C* и *D*. С одной стороны, ввиду увеличения общей суммы забалансовых обязательств поручителя *S* кредит, выданный заемщику *L*, оказывается у банка *B* обеспеченным хуже (менее надежно), чем он предполагал при предоставлении заемных средств. С другой стороны, ввиду указанного обстоятельства у заемщика *L* возникает риск досрочного востребования банком *B* возврата суммы кредита по мотивам ухудшения обеспечения (ст. 813 ГК РФ).

Если бы возможности восстановить обязательства у лиц *C* и *D* не было, а свое намерение возобновить отношения они могли реализовать только путем заключения нового договора, то получить поручительство лица *S* кредитор *C* мог бы также только путем заключения нового договора. При этом с большой долей вероятности поручитель *S* уже оказался бы связан по условиям договора с банком *B* ковенантами, исключающими или ограничивающими предоставление новых поручительств.

Лучше обстоят дела с залогом. Старшинство залоговых кредиторов должно будет определяться в соответствии с записями в реестрах, к которым имеют возможность обратиться все участники оборота (абз. 3 п. 4 ст. 339¹, абз. 2 п. 1 ст. 342¹ ГК РФ). Если с прекращением первоначального основного обязательства сведения о залоге будут немедленно исключены из реестра, а впоследствии с восстановлением обязательства вновь в него внесены, залоговые, установленные в «промежуточный период», будут иметь приоритет перед восстановленным залогом. Если в этот период залоговые записи из реестра не исключены, другие залоговые кредиторы принимают имущество в залог исходя из того, что имеются более приоритетные залоговые, восстановленный залог будет иметь приоритет перед залогом, установленным в промежуточный период.

Получается, что в ряде случаев окажется необходимым сбалансировать такие ценности и конституционно-правовые принципы гражд-

данско-правового регулирования, как свобода договора и стабильность гражданского оборота. Если оказать предпочтение свободе договора, то стабильность оборота будет подвергаться угрозе лишь в некотором количестве ситуаций (далеко не во всех). Если же во главу угла поставить стабильность оборота, то свобода договора окажется стесненной во всех случаях, притом в большинстве необоснованно.

В обоснование суждения о соответствии системы регистрации прав на недвижимое имущество конституционным нормам КС РФ указывает, что такое в общем сдерживающее интенсивность договорной работы, но направленное на укрепление стабильности оборота требование, как регистрация прав и сделок, вместе с тем не ограничивает свободу договора, юридическое равенство сторон, автономию их воли и имущественную самостоятельность, а также свободу экономической деятельности и потому не может рассматриваться как нарушающее какие-либо конституционные права¹.

Важно отметить, что конституционность правил, направленных на укрепление стабильности оборота, оценена в приведенном определении в том числе с позиций соблюдения принципа свободы договора.

Ввиду изложенного представляется обоснованным в качестве общего правила включить в объем понятия «свобода договора» (п. 1–2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ) право сторон по взаимному соглашению восстановить ранее прекращенные обязательства, предоставив судам возможность корректировать негативные последствия злоупотребления указанным правом.

Следует также отметить, что само право сторон восстановить ранее прекращенные обязательства — это самостоятельная мера их возможного поведения, которая может быть реализована только путем согласованного волеизъявления. Данная «опция» обогащает объем правовых возможностей таких лиц и тем самым отличает их от всех других участников оборота, у которых подобной возможности нет.

¹ См. Определение КС РФ от 5 июля 2001 г. № 132-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ЗАО «РЕБАУ АГ» на нарушение конституционных прав и свобод п. 1 ст. 165 и п. 2 ст. 651 ГК РФ. Впоследствии данная правовая позиция была неоднократно воспроизведена в ряде других актов КС РФ.